

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ АМБИВАЛЕНТНОСТЬ КОНЦЕПТОВ

В.М. САВИЦКИЙ

lampasha90@mail.ru

д-р филол. наук, профессор
Самарского государственного
социально-педагогического
университета
Самара, Россия

Ключевые слова:
*ценность, этос,
концептуальный
кластер, концепт-эталон,
концепт-стереотип*

DOI: 10.37632/PI.2020.281.4.001

В статье анализируется феномен вариативности оценок, которые в своей совокупности образуют аксиологический компонент лингвокультурного концепта. Демонстрируется зависимость оценки объекта от социально-группового фактора, т.е. от принадлежности субъекта оценки к тому или иному общественному классу или сословию. Автор ставит вопрос о том, имеем ли мы дело с сословными и иными ценностными модификациями концепта, или перед нами отдельные, хотя и понятийно взаимосвязанные, социально-групповые концепты внутри той или иной лингвокультуры. Кроме того, автор задается вопросом, следует ли рассматривать оценочно амбивалентные семантические единицы как модификации единого концепта или как ряд разных, хотя и взаимосвязанных концептов. Предлагается решение этого вопроса путем введения понятия «концептуальный кластер». Предлагается графическая презентация концептуального кластера в виде совокупности пересекающихся кругов.

Концепт принято считать элементом этнической лингвокультуры, обладающим большей или меньшей спецификой по сравнению с аналогами в иных лингвокультурах. Имеет место межкультурная вариативность концептов. Однако внутри своей лингвокультуры концепт чаще всего расценивается как общенародное достояние, как нечто единое для всех представителей данной лингвокультуры. Внутрикультурная вариативность концепта, определяемая различиями между субъектами его осмысления, пока не получила достаточного освещения в научной литературе. В предлагаемой статье она рассматривается в аксиологическом аспекте.

Как известно, культурно-языковой коллектив стратифицирован по классовому, сословному, конфессиональному и ряду других признаков. Каждая социальная группа, входящая в этот коллектив, вырабатывает собственный этос – систему ценностей и оценок, целей и интересов, вкусов и предпочтений. «Этос – это стиль жизни какой-то общественной группы, общая... ориентация какой-то культуры, принятая в ней иерархия ценностей», – указала М. Оссовская [2: 26].

Оценка тех или иных явлений бытия, зафиксированная в ценностной составляющей соответствующих концептов, бывает обусловлена тем этосом, к которому принадлежит субъект оценки. Аксиологическое наполнение концепта оказывается детерминировано социально-групповым фактором.

Люди по-разному смотрят на вещи. «Тебе и горький хрен – малина, а мне и бланманже – польнь», – так Козьма Прутков прокомментировал этот факт, который сказывается на аксиологии концептов и их дифференциации.

В этой связи возникает вопрос, имеем ли мы дело с сословными и иными ценностными модификациями концепта, или же перед нами отдельные, хотя и понятийно взаимосвязанные, социально-групповые концепты внутри той или иной лингвокультуры. В последнем случае придется различать буржуазный, пролетарский, чиновничий и т.п. концепты, носящие одно и то же название. Так, пролетарии вкладывают в концепт «интеллигент» один ценностный смысл,

власти – другой, буржуа – третий, сами интеллигенты – четвертый (подробнее об этом см. нашу работу [3: 138]).

Если исходить из представления о социально-групповых модификациях концепта, вряд ли удастся составить его общенациональную дефиницию: она будет включать лишь инвариант всех трактовок, который обычно слишком беден содержательно. Так, инвариант содержания всех классово-сословных модификаций концепта «интеллигент» выглядел бы как «работник умственного труда». Этого мало для составления дефиниции данного концепта.

На наш взгляд, социально-групповые различия в аксиологическом наполнении концепта обусловлены, во-первых, традиционной межсословной конфронтацией, а во-вторых, групповым нарциссизмом. В частности, сословие обывателей, испытывающее чувство ущербности перед лицом интеллигентов в плане культурного развития, судя об интеллигентах, выпячивает их недостатки, а их достоинства выдает за пороки, квалифицируя их не как образованных и культурных людей, а как «очкариков» и «знаек (так в Собачьем сердце» М.А. Булгакова Шариков оценивал профессора Преображенского и доктора Борменталья). Дефиниция концепта «интеллигент», если составить ее под данным углом зрения, будет выглядеть как набор инвектив. Сами же интеллигенты определяют этот концепт как набор комплиментов в свой адрес, а слабости представляют как достоинства. С их точки зрения, интеллигент, конечно, не «слонятай», а человек «душевно ранимый» и «обладающий тонкой эмоциональной организацией».

С классово-сословных позиций рассматриваемый объект выглядит как ряд концептов, а с позиций этнолингвокультуры в целом – как концепт единый, но внутренне противоречивый. В связи с этим встает очередной вопрос: может ли концепт сформироваться как пучок противоречивых признаков? Можно ли говорить о, так сказать, «оксюморонных» концептах?

«Обобщенное» вышеуказанным способом определение интеллигенции прозвучало бы как «гнилая элита нации». Если так «обобщать», совмещая несовместимое, то получится, к примеру, что коммунизм – это «мечта человечества о тоталитарном режиме». Впрочем, в этом есть определенный резон, некий проблеск истины. Об этом писал Э. Фромм в «Бегстве от свободы», а И.А. Ефремов в романе «Туманность Андромеды» и братья Стругацкие в повести «Страна багровых туч» изобразили коммунистическое общество как счастливое и притом отдающее тоталитарным душком, чем-то смахивающее на «торжество идей чучхе». Парадоксы глубоко укоренены в этом мире. Двухзначная формальная

логика, признающая только «да» или «нет», не может претендовать на всеобъемлющее описание мира.

Для разрешения противоречий, подобных охарактеризованному выше, требуется диалектический подход, в основе которого лежат единство и борьба противоположностей. Вопреки формальной логике можно представить себе, к примеру, доброго злодея. Так, Раскольников совершил убийство, но жалел и поддерживал сирот и их несчастную мать. В данном случае перед нами разные грани объекта оценки (Раскольникова), внутренняя противоречивость его личности.

В других случаях мы имеем дело с разными субъектами оценки одного и того же объекта. Например, по Дж. Фрэзеру [5], библейский Самсон, с точки зрения израильтян, – народный герой, а с точки зрения филистимлян, – разбойник с большой дороги. Сходным образом, Джеймс Бонд с точки зрения МИ-6 – славный разведчик, а с точки зрения КГБ – мерзкий шпион. Концепты «разведчик» и «шпион» различаются аксиологически, но денотат у них один и тот же. Сколько же здесь концептов? Два или один, но в разных ракурсах? И какой концепт передается нейтральным наименованием *сотрудник спецслужб*?

Наш вариант ответа дается ниже, а пока рассмотрим на примерах один из аспектов проблемы соотношения концептов и слов.

Радикалы расценивают революцию как благо, а консерваторы – как зло (в пьесе О. Уайлда «Как важно быть серьезным» леди Брэкнелл с гневом говорит о пагубе «наихудших эксцессов Французской революции»). Оценки революции полярно противоположны, но считается, что концепт «революция» един.

Далее, повстанец (на фарси *моджахед*) – герой, а бунтовщик (*душман*) – злодей. Афганскими моджахедами на Западе звали тех, кого в СССР именовали душманами. Денотат здесь тоже один; однако считается, что «повстанец» и «бунтовщик» – два разных концепта. В случае с революцией концепт один, а в случае с афганцами – два. Но ведь это же однотипные случаи: и там, и здесь денотат тот же, а оценки противоположны. Почему же в первом случае это один концепт, а во втором – два? Не потому ли, что в первом случае словесное название одно, а во втором случае их два? Возникает очередной вопрос: как постулирование концепта зависит от количества его языковых десигнаторов?

На наш взгляд, этот вопрос следует решать следующим образом.

Слово *революция* оценочно амбивалентно. Хорошую иллюстрацию этому можно найти у А.Н. Толстого в романе «Хождение по

мукам». Когда Рощин решал, к какому лагерю – к белым или красным – ему примкнуть, он стал определять свое отношение к революции. С одной стороны, он был дворянином и царским офицером, и этот статус предписывал ему относиться к революции отрицательно. Но, с другой стороны, он считал себя культурным, передовым человеком, а в прогрессивных кругах революция приветствовалась. Такая двойственность ценностного отношения к объекту вызвала у Рощина долгие и мучительные колебания.

Концепт «революция» оценочно амбивалентен, а потому в целом нейтрален. Та или иная оценочность не зафиксирована в слове, а придается концепту разными субъектами.

Аналогичная картина наблюдается в случае с генеральшей Ставрогиной в «Бесах» Ф.М. Достоевского: у нее было двойное отношение к революционному движению. С одной стороны, оно угрожало ее общественному положению, и она его опасалась; с другой стороны, эта тема в те времена была модной в культурных кругах, поэтому генеральша привечала возмутителей спокойствия и заигрывала с ними.

То же касается названий *боевик*, *полевой командир* и т.п. Они оценочно неопределенны: так их называют и сторонники, и противники. А в период Великой Отечественной войны партизан называли партизанами и мы, и враги.

При этом в одних случаях возможна позиция стороннего наблюдателя, вообще не склонного оценивать объект; в других случаях субъекты делятся на два лагеря по признаку отношения к объекту. Так, экстремисты оценивают шахидов как героев, а гуманисты – как злодеев. Вряд ли существует нейтральное отношение к ним; нужно быть совсем уж толстокожим и безразличным ко всему человеком, чтобы никак не оценивать шахидов.

Аксиологически амбивалентны даже концепты «свобода» и «воля». Они несут в себе не только положительные, но и отрицательные коннотации. Так, Кириллов в «Бесах» говорил о новой *страшной* свободе, а Фирс в «Вишневом саде» назвал волю *несчастьем*. Показательна в этом отношении фраза *ему/им только дай волю*, за которой обычно следует упоминание какого-либо эксцесса.

В отличие от вышеперечисленных слов, слова *повстанец* и *бунтовщик* оценочно однозначны: первое содержит в себе положительную, а второе – отрицательную оценку объекта. К одному и тому же объекту разные субъекты относят разные концепты, закрепленные в наименованиях: протагонист назовет кого-то повстанцем, а антагонист – бунтовщиком. Вероятно, оценочность, присущая словам, распространяется на концепты, активируемые этими словами.

Как видим, бывают оценочно амбивалентные и оценочно однозначные концепты, и это различие определяется их языковыми десигнаторами.

При советской власти концепт «революция» был оценочно однозначным для всех, исключая диссидентов. Он был положительно окрашен: «Революция социальная – способ перехода от изжившей себя общественно-экономической формации к более прогрессивной» [1: 124]. На Западе концепт *revolution* всегда был оценочно амбивалентным и потому в целом нейтральным. В Кратком Оксфордском словаре он определяется так: «Революция – низвержение правительства или социальной системы и замена их новыми» [6: 354] (перевод наш. – В.С.). В этой дефиниции нет оценки. В нашей стране после реставрации капитализма этот концепт тоже утратил оценочную однозначность: старшее поколение разбилось на два лагеря по признаку оценки Октябрьской революции, а молодежь, судя по всему, это в целом безразлично.

Амбивалентный концепт расслаивается на варианты с различающимися ценностными составляющими, а однозначные концепты не расслаиваются; каждый из них заключает в себе позицию той или иной социальной группы.

Приведем примеры из «Капитанской дочки» А.С. Пушкина. С точки зрения императрицы, Потемкина, коменданта Оренбургской крепости, Пугачев – отвратительный бунтовщик, а с точки зрения Хлопуши и других соратников Пугачева, он – благодетель народа. А у Гринева две точки зрения на Пугачева (он – субъект двух оценок одного объекта): Пугачев – преступник (здесь Гринева выступает как помещик и военный служащий, дававший присягу) и Пугачев – личность незаурядная и по-своему благородная (здесь Гринева выступает как субъект, способный к реалистической оценке объекта вопреки навязываемым сословно-классовым идейным установкам). Швабрин же служит примером различия между внешней и внутренней оценками: декларативно он расценивает Пугачева как августейшую особу, а в душе – как строптивого, но наивного холопа, которого можно попытаться использовать в своих целях. И все это – Пугачев, один и тот же объект оценки, к которому примеряются разные концептуальные модели, делаются разные плоскостные срезы; при этом каждый срез претендует на объемность и полноту характеризации объекта.

В сословно-классовой сфере можно противопоставить друг другу **концепт-эталон** и **концепт-стереотип** (подробнее см. нашу работу [4: 24–27]). Первый – это интраконцепт, сформировавшийся внутри сословно-классового этоса

и включающий в себя главным образом позитивные самооценки, а второй – экстраконцепт, который сформировался вне данного этоса и содержит *par excellence* негативные оценки объекта. В частности, упоминавшийся выше концепт-эталон «интеллигент» отражает высокую самооценку этого сословия и содержит такие семы, как ‘высокая духовная культура’, ‘гуманистическое мировоззрение’, ‘радение за народ’ и т.п., а концепт-стереотип «интеллигент» отражает оценку со стороны других сословий и содержит семы ‘житейская неприспособленность’, ‘слабонервность’, ‘склонность к сомнениям’, ‘книжное представление о жизни’, ‘заискивание перед сильными мира сего’ и т.п.

Некоторые из этих сем дополняют друг друга, в итоге создавая объемный портрет данной социокультурной прослойки, а другие противостоят друг другу, относясь к разным представителям этой прослойки либо являясь лживыми. Концепт-эталон и концепт-стереотип можно, вероятно, считать семантическими коррелятами, сопротивляющимися объединению в один концепт и составляющими более сложное образование, которое можно назвать термином **концептуальный кластер**.

От того лексико-семантического варианта имени существительного *интеллигент*, который активизирует в сознании концепт-эталон, образовано имя прилагательное *интеллигентный* с позитивной коннотацией, а от того, который активизирует концепт-стереотип, производно прилагательное *интеллигентский* в основном с негативной коннотацией. Ср.: *интеллигентные манеры* (позитивная оценка) – *интеллигентские манеры* (скорее отрицательная); *интеллигентская дряблость* (но не **интеллигентная дряблость*).

В европейских языках интернациональное слово *concept* означает не только «концепт», но и «концепция». Эти значения близки. В данной связи возникает еще один вопрос: является ли *концепт* вещи *концепцией* вещи, т.е. определенного рода взглядом на нее, ее теорией? Или же концепт вещи столь объемлен, что включает в себя все ее концепции, в том числе противоположные?

Рассмотрим очередной пример. Существует несколько концепций уже упоминавшегося нами коммунизма:

1) марксистско-ленинская («общественный строй без государства, без товарной экономики, сбывшаяся мечта человечества, когда будут достигнуты изобилие, духовное совершенство, равенство, братство и счастье людей во всем мире»);

2) антимарксистская («строй тоталитарного типа с полностью государственной

собственностью на средства производства, контролем властей над духовной жизнью подданных, бесправием граждан, политическими репрессиями и т.д.»);

3) обывательская («грядущая вольготная жизнь, когда все будут давать бесплатно»).

Концепций несколько, а сколько здесь концептов? Если тоже несколько, то и концептов «революция», и «интеллигенция» – столько, сколько существует коллективных субъектов их осмысления (сословно-классовых групп). А если один, то он не является взглядом на вещь, ибо взгляд предполагает некий угол зрения, а противоположные взгляды в одном концепте «гасят» друг друга, как плюс один и минус один в сумме дают нуль. Предстоит выработать трактовку соотношения концепта вещи и концепций вещи.

Возможно, вопрос следует решать следующим образом: в концепциях вещи выделить набор признаков, инвариантных для всех них; в частности, в концепциях коммунизма к числу инвариантных признаков принадлежат: 1) национализация всех средств производства, 2) централизованное распределение благ, 3) идейный сингуляризм (и нек. др.). Это глобальный инвариант. Вокруг него располагаются локальные инварианты – наборы признаков, общих не для всех, а для некоторых концепций. Если, скажем, концепт включает четыре концепции, то глобальный инвариант содержит общие признаки всех четырех, а локальные инварианты – признаки трех, затем двух концепций. Совокупность инвариантов составляет концептуальное ядро, вокруг которого формируется периферия, включающая варианты понятийные и ценностные компоненты, свойственные лишь одной концепции. Таким образом, вариативность этого смыслового образования плавно растет от центра к периферии. Его графическая модель – это несколько пересекающихся кругов с ядром в середине. Такую модель мы и называем концептуальным кластером.

Это понятие включает в себе компромисс между поликонцептуальной и моноконцептуальной трактовками рассмотренного явления. В зависимости от поставленной задачи можно выбирать подход: в одних случаях можно говорить о ряде пересекающихся сословно-классовых концептов, содержащих различные концепции вещи, а в других случаях – о двуедином (триедином и т.д.) концепте, носящем общенациональный характер, включающем в себя все концепции вещи и потому не являющемся единой концепцией данной вещи.

Таково в общих чертах наше представление об аксиологической амбивалентности концептов. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 21. М., 1975.
2. Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М., 1987.
3. Савицкий В.М. Интеллигенция и интеллигентность // Vita in lingua: Сборник научных трудов к юбилею С.Г. Воркачева. Краснодар, 2007.
4. Савицкий В.М. Идея, схваченная знаком. Несколько вопросов по поводу объекта лингвоконцептологии. Самара, 2012.
5. Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом Завете. М., 2003.
6. Concise Oxford Dictionary of Current English. 12th edition. Oxford, 2020.

References

1. Bolshaya Sovetskaya Entsiklopedia [Great Soviet Encyclopedia]. 3-e izd. T. 21 [3rd ed. Vol. 21]. M., 1975.
2. Ossovskaya M. Rytsar i burzhua. Issledovaniya po istorii morali [M. Ossowska. Knight and Bourgeois. A Research on the History of Morality]. M., 1987.
3. Savitsky V.M. Intelligentsia i intelligentnost [Intelligentsia and Its Ethos] // Vita in lingua: Sb. nauch. tr. [Collection of Papers]. Krasnodar, 2007.
4. Savitsky V.M. Ideya, skhvachennaya znakom. Neskolko voprosov po povodu obyekta lingvokontseptologii [Idea Conceived by Sign. A Few Questions concerning the Subject Matter of Linguoconceptology]. Samara, 2012.
5. Frezer Dzh. Folklor v Vetkhom Zavate [G. Fraser. Folklore in the Old Testament]. M., 2003.
6. Concise Oxford Dictionary of Current English. 12th ed. Oxford, 2020.

V.M. Savitsky

Samara State University of Social Sciences and Education
Samara, Russia

AXIOLOGICAL AMBIVALENCE OF CONCEPTS

Value, ethos, conceptual cluster, standard concept, stereotyped concept.

The author analyses the phenomenon of linguocultural concepts' axiological variability, demonstrates the dependence of the concepts' axiological content on the social group factor, i.e. on the estimator being a member of this or that social class or group. The author poses the question whether axiologically ambivalent semantic units should be regarded as varieties of a single concept or a number of different, though interrelated, concepts. The author offers a solution to the problem based on introducing the notion of conceptual cluster and offers a graphic representation of conceptual cluster in the form of intersecting circles.

НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ

Институт Пушкина приглашает иностранных граждан на дистанционную программу подготовки к обучению в российских вузах.

Учащиеся выпускных классов зарубежных школ, студенты и выпускники зарубежных университетов – все, кто хотел бы учиться в России, – смогут изучить русский язык и подготовиться к поступлению, не оставляя учебы или работы в своей стране.

Цель курса – поступление иностранных граждан в бакалавриат, магистратуру, аспирантуру российских вузов. В завершение обучения для слушателей проводится тестирование, в случае его успешного прохождения выдается сертификат, подтверждающий уровень владения русским языком, необходимый для получения высшего образования.

Электронный подготовительный факультет предлагает программы для будущих студентов российских вузов по трем направлениям: гуманитарное, экономическое, медико-биологическое.

Обучение будет вестись онлайн на портале «Образование на русском» с использованием ZOOM и AdobeConnect в группах численностью до 15 человек.

По материалам сайта pushkin.institute